

УДК 811.161.1
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.21

Н. А. Царева

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

В статье характеризуются базовые признаки идиостиля великого русского поэта XX века Б.Л. Пастернака. Анализ осуществляется с учетом антропогенного подхода к тексту на основе изучения авторитетных изысканий в области дискурсологии, стилистики, лингвистики текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, филологического анализа, стиховедения, философии и других направлений современного научного знания. Автор работы строит свои рассуждения с учетом того, что сам «строй» образов, мыслей, чувств, звуков» и есть то «рациональное зерно», которое мотивирует постановку вопроса о специфике авторского идиостиля как субъективного, индивидуально ощущаемого конструирования текстового пространства. Рассматривая пастернаковский поэтический текст как имманентно организованную художественную структуру, автор статьи не без оснований считает, что сам стиховой ряд создает условия, способствующие формированию синтаксических отрезков, в составе которых проявляются «колеблющиеся признаки значений» и «затемненные смыслы» именованных явлений мира. Художник поэти-

ческого слова получает в этом случае не только полную свободу выбора и основной атрибутики денотата, и ее деталей, и обстоятельств, сопутствующих раскрытию признаков обозначаемого, но и возможность создать в пространстве текста новые номинационные структуры, содержащие элементы метакомментария, включающие субъективно-оценочные моменты, фиксирующие авторское присутствие в тексте. В статье отмечается, что употребление Б. Л. Пастернаком синтаксической номинации как структуры «остановленного мгновения» поэтического бытия связано с выявлением глубинной семантической связности его элементов. Рассуждения, содержащиеся в статье, подводят читателя к выводу о том, что по мере созревания лирического героя Пастернака наблюдается трансформация соотношения текста и метатекста, вызванная изменениями в проявлении индивидуального авторского мировосприятия.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, идиостиль, поэтическая картина мира, стиховой ряд, эстетико-эвристическое измерение, внутренняя форма, синергия, синтаксическое наименование, катарсис, живая энергия бытия.

Nina Tsareva

ON THE SPECIFIC FEATURES OF THE POETIC IDIOSTYLE OF B. L. PASTERNAK

The article describes the basic features of the idiosyle of the great Russian poet of the twentieth century B. L. Pasternak. The analysis is carried out taking into account the anthropogenic approach to the text based on the study of authoritative research in the field of discourse, style studies, text linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics, philological analysis, verse studies, philosophy and other areas of modern scientific knowledge. The "structure" of images, thoughts, feelings, sounds "is that" rational kernel "that motivates the question of the specificity of the author's idiosyle as a subjective, individually felt construction of a text space. Considering Pasternak's poetic text as an immanently organized artistic structure, the author of the article believes, not without reason, that the line of poetry itself creates conditions conducive to the formation of syntactic segments, in which "fluctuating signs of meanings" and "darkened meanings" of naming world phenomena appear. In this case, the artist of the poetic word receives not only complete freedom of choice

В создании поэтической картины мира важнейшую роль играет автор, реализующий свои эстетические интенции, которые во многом определяются уровнем интеллектуального «напряжения» его творчества. Индивидуальный и неповторимый «дискурсивный голос» поэта как языковой личности, по словам И.И.Чумак-Жунь, «пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности, и оформляется автором-творцом в тексте – яв-

and the main attributes of the denotation, its details and the circumstances accompanying the disclosure of the signs of the signified, but also the opportunity to create new nominal structures in the text space containing elements of meta-commentary, including subjective-evaluative moments, fixing the author's presence in the text. The article notes that the use of syntactic nomination by BL Pasternak as the structure of the "frozen moment" of poetic life is associated with the identification of the deep semantic coherence of its elements. The reasoning contained in the article leads the reader to the conclusion that as the lyrical hero Pasternak matures, there is a transformation in the ratio of text and metatext caused by changes in the manifestation of the author's individual perception of the world.

Key words: B. L. Pasternak, idiosyle, poetic picture of the world, line of poetry, aesthetic-heuristic dimension, inner form, synergy, syntactic naming, catharsis, living energy of being.

лении художественной авторской событийности» [26, с.27]. Подобный подход к поэтической картине мира, равно как и к поэтическому тексту и дискурсу, соответствует такому описанию идиостиля автора, которое предполагает выявление глубокого замысла, отражающего творческие искания художника слова.

Со временем величие языковой личности Б. Л. Пастернака-художника становится все более очевидным. В пространстве русской лирики

XX столетия его авторский стиль резко выделяется как особый, по словам Р. Якобсона, “объектный язык”, на котором говорят о внешнем мире [27, с. 201]. Специфика творческой индивидуальности Пастернака требует осмысления наиболее значимых научно-исследовательских подходов к оценке уникальности авторского способа языкового самовыражения. Не менее важно при этом учитывать особенности той теоретической платформы, которая сформировалась в филологии, рассматривающей в русле современной антропоцентрической парадигмы идиостилевую интерпретацию художественного, в том числе

Исследование индивидуальной лингвотипологии языковой личности, создающей художественный дискурс, опирается на традиции, заложенные в общей лингвистике, стилистике, лингвопоэтике и семиотике текста (Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, М. М. Бахтин, Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, В. Г. Винокур, А. И. Ефимов, Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев, В. П. Григорьев, К. Э. Штайн, В. И. Карасик и др.), нарратологии (В. Я. Пропп, Б. О. Корман, Н. А. Кожевникова, О. Людвиг и др.). Кроме того, в рассматриваемом ракурсе представляются важными данные когнитивных и дискурсивных подходов к структуризации текста (Т. А. ван Дейк, В. Кинч, Т. М. Николаева, Н. И. Болдырев и др.). Особо учитываются положения и выводы, которые содержатся в работах, связанных с исследованием художественного типа поэтической индивидуальности автора [21; 5; 6; 7; 10; 15; 16; 26; 4 и др.].

В концепциях художественного типа текста, опирающихся на категории «нелинейного плана» (целостность и концептуальность) [см., например: 15], зачастую недостаточно внимания уделяется не только диахронической динамике авторского текста как следствию творческой эволюции художника, но и субъективному фактору – индивидуализации стиля автора. Между тем совершенно очевидно, что «адекватный анализ индивидуального стиля автора представляет больше ценности, чем просто подсчет лингвистически выделенных единиц» [24, с. 136]. Имеется в виду не просто «абстрагирование от текстов конкретных писателей» [23, с. 96], а погружение в глубинные пласты авторского идиостиля, выявление его уникальности и имманентной специфики. Поэтому предлагаемая Е.Г. Фоменко концепция «лингвотипологии художественного текста», строящаяся «на базовых понятиях, к которым относится идиостиль писателя, заключенный в пространство всех своих художественных текстов» [там же], и требующая обязательной опоры на «типовую модель художественного текста, проводником которой этот идиостиль писателя является» [там же], не всегда применима к объяснению индивидуальной, сугубо специфической и

неповторимой манеры творческого письма такого ярко выраженного поэтического феномена, каким является Б. Пастернак.

Современное стилеведение рассматривает идиостиль как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка... <> Идиостиль – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы...» [11, с. 95]. Однако если при характеристике идиостиля как «посредника между конкретным текстом и его автором» руководствоваться только коммуникативно-стилистическими принципами анализа, то воплощение образа автора художественного текста как языковой личности будет определяться в основном вербально-семантическим, когнитивным и мотивационно-прагматическим факторами [10]. Соответственно, характеристика знаковой репрезентации формирующихся в сознании автора представлений о мире, его картине и ее фрагментах ограничится тремя привычными измерениями – семантикой, синтактикой и прагматикой. «За кадром» остается еще одно измерение, которое В.П. Григорьев предложил называть «эстетико-эвристическим» [6, с. 676] и которое свойственно именно поэтическому тексту, обладающему колоссальной нравственно-эстетической энергетикой [9; 2 и др.].

Целесообразно видеть в идиостиле открытую динамическую систему глубинных текстопорождающих механизмов свободного и имманентного самовыражения художника слова, отличающая его от других авторов (В. П. Григорьев, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, С. Т. Золян и др.). Так, по мнению В. П. Григорьева, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной и семантической категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [6, с. 134]. Авторский выбор индивидуальных средств выражения смыслов маркирован намерением наиболее адекватно выразить свое представление о картине мира и ее элементах. В этом случае логично решается вопрос о соотношении идиолекта и идиостиля как глубинной (смысл) и поверхностной (текст) структур в организации цепочки зависимостей в тексте [8 и др.]

Мы считаем, что в рамках антропоцентрического подхода к поэтическому тексту необходимо учитывать синергию (греч. *συνεργία* – сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество) как фактор открытия автором антропогенного ресурса текста и – шире – дискурса в процессе творческого познания мира. (Ср. иной подход к понятию синергетичности поэтического текста, основанный на определении самоорга-

низирующихся экзистенциальных смыслов: [17]). Раскрывая в лирическом дискурсе свое индивидуальное начало и реализуя метапрагматические установки, языковая личность автора в итоге приходит к открытию для себя и для читателя того нового, что составляет специфику идиостилюевой дискурсивности как субъективного, присущего только данному поэту «погружения в жизнь». Это происходит благодаря специфике стиховой структуры высказывания, которая способствует тому, что усложняется сама форма обозначения денотатов и воплощения авторского образного представления о мире, его фрагментах и их деталях.

В самом деле, в стихотворении «Дорога» Пастернак говорит о нравственной составляющей бытия - «прямой магистрали», том Пути как универсальном Божественном векторе движения (духовного развития), который предписан Свыше, определяя и цель жизни.

*А цель ее в гостях и дома –
 Всё пережить и всё пройти,
 Как оживляют даль изломы
 Мимоидущего пути.*

Синтагма «изломы мимоидущего пути» показательна употреблением деривата-атрибута с префиксоидом мимо-. Этот авторский окказионализм глубоко семиосимволичен, поскольку придает особую смысловую значимость предназначенному судьбой жизненному пути, не зависящему от воли человека и дарующего ему «изломы», которые необходимо преодолеть. Это и символ испытаний, и стимул жить, развиваться, расти – *per aspera ad astra*. Этот «мимоидущий» путь – условие синергического движения, результат которого – познание как откровение, как постижение того, что открывается в итоге жизни: «В каждом куске мрамора... заключаются... головы, достойные резца... Праксителя. Ведь все они делаются путем скальвания. <...> То, что изваялось, находилось внутри (выделено нами – Н. Ц.)» [25, с. 48].

Возвращаясь к употребляемой Пастернаком синтагме «изломы мимоидущего пути», отметим, что она выступает в роли синтаксической номинации - производного номинационно-синтаксического семиозиса [3]. Это – сложное именование антропогенного характера, которое запечатлело остановленное автором мгновение проявления «энергии сущности вещи» [12, с. 152]). Формирование авторских единиц синтаксической номинации в тексте соответствует тому, о чем говорит Ю. Н. Тынянов, анализируя специфику поэтического дискурса и определяя главные ресурсы поэзии, создающие условия для проявления авторской индивидуальности. Это, в первую очередь, единство и теснота стихового ряда (стихотворной строки), что предопределяет «особо тесное взаимодействие между объединенными в нем словами» и перегруппировку соотношения «стихового ряда и грамматического единства; слово, будучи

результантой двух рядов, словом речевым и словом метрическим, динамизируется (усложняется, становится затрудненным); то же можно сказать и о предложении» [21, с. 87].

Динамическое равновесие структурно-семантической и ритмической значимости слова в стиховом ряду смещается в сторону ритма, усиливаясь фактором рифмы, и слова в составе поэтического языка, в условиях «сукцессивности» – последовательного развертывания поэтического материала, получают, по мнению этого исследователя, «некую «кажущуюся семантику». При такой «бессодержательности» основной признак значения может вносить крайне мало нового, может быть даже совершенно не связан с общим «смыслом» текста. Но зато могут выступить определяемые теснотой ряда «колеблющиеся» признаки значения» [21, с. 88]. Актуализация интенсивности ««колеблющиеся» признаков значения» усиливает эмоциональную окрашенность поэтического языка, снижает его коммуникативную значимость, ослабляя привычные семантические связи слов. Согласно Ю. Н. Тынянову, «образ - своим отрывом от предметности и возникновением колеблющихся признаков за счет основного, моментом семантического осложнения – является специфической формой развертывания стихового материала» [21, с. 90].

«Деформация семантического момента» в поэтическом тексте открывает возможность по-новому взглянуть на само синтаксическое членение его значимых отрезков. В первую очередь это относится к именованию фрагментов поэтической картины мира. Очевидна прямая связь между сукцессивностью в условиях тесноты стихового ряда и созданием условий для формирования синтаксических отрезков, в составе которых формируются «колеблющиеся признаки значений» и «затемненные смыслы». Главное же то, что отдельные слова в стиховом ряду, отрываясь от предметности и становясь «бессодержательными», тяготеют друг к другу в синтаксическом пространстве стихотворной строки. Возникают условия для формирования сложных номинативных речевых знаков, соответствующих «тесноте», «сжатию» и сукцессивности стихового ряда. Для идиостиля Пастернака использование энергетике синтаксической номинации вполне естественно и органично, поскольку отвечает самому духу его поэзии как способа художественно-эстетического познания мира в его природной, естественной целостности. Для Пастернака характерно целостное, укрупненное, подчас монументально-величественное и торжественное восприятие поэтической картины мира – не в ее отдельных корпускулах и деталях, а в их образном синтезе, когда отдельный денотат за счет авторского вскрытия глубинных смыслов во внутренней форме своей синтаксической номинации обретает монументальность своего природного начала:

*Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.
Пусть ветер, рябину заняв,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.
Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.
Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.
Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росамохой
Подсматривает с ветвей.
Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.
За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.
Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.
И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даёшь».*

(«Иней»)

В поэтическом тексте стихотворения «Иней» за счет необычно представленных авторских деталей создается символический образ торжества величественного покоя «белого мертвого царства» природы, засыпающей на зиму, чтобы непременно воскреснуть весной и своим возрождением уподобиться Спасителю: «Христос воскрес из мертвых, смерти смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» (Из молитвы).

Рассматриваемый лирический текст – яркая иллюстрация того, как Пастернак средствами синтаксической номинации формирует комплексные речевые фрагменты поэтической картины мира. Сжатие стихового ряда не только открывает возможность рождения номинационной связанности синтаксических отрезков, но и позволяет автору активизировать внутренние глубинные ресурсы так называемой «трансформированной» тропики.

Здесь уместно вспомнить тыняновскую мысль о возникновении в условиях «сжатия» и «тесноты» стихового ряда «колеблющихся» признаков значения: «В метафоре и сравнении сталкиваются

основные признаки значений, частично вытесняя друг друга» [21, с. 88–89]. Пастернаковский текст подтверждает эти наблюдения. Здесь мы видим своеобразную трансформацию сравнений в метафоры в условиях сукцессивности стихотворной строки. Возникающие образные именованья представлены не только отдельными словами, но в первую очередь расчлененными синтагмами Ср.: а/ белые мухи; б/ лес лопухий/ Шутом маскарадным одет; в/ Все обледенело с размаху/ В папахе до самых бровей/ И крадущейся росамохой/ Подсматривает с ветвей; г/ инея сводчатый терем; д/ Решетчатый тес на дверях; е/ За снежной густой занавеской/ Какой-то сторожки стена; ж/ Торжественное затишье, / Оправленное в резьбу,/ Похоже на четверостишье/ О спящей царевне в гробу.

Подобная трансформация тропики выражает образность, рождающуюся за счет отдельных привычных деталей, атрибутивных признаков и перерастающую в непривычный индивидуально ощущаемый, субъективный и имманентный образ – фрагмент поэтической картины мира. Сама её нестандартность, нетривиальность авторского ракурса восприятия свидетельствует о ярко выраженном антропогенном характере средств ее репрезентации, что делает уникальным идиостиль Пастернака как языковой личности. В тексте стихотворения «Иней» это смещение тропики происходит в семантико-коннотативном пространстве отдельной образной детали. В то же время, к примеру, в тексте стихотворения «Сосны» для подобной трансформации поэту требуется образное перемещение в иной пейзажный контекст: из соснового леса – на морское побережье. Однако и в одном, и в другом тексте динамизация семантической значимости лексического материала создает все условия для возникновения на основе речевого пространства поэтического текста целостных синтаксических наименований.

Идиостиль Пастернака подтверждает тот факт, что в поэтическом тексте имя предмета, соотносясь с определенным концептом и будучи представлено посредством открытия его внутренней формы, выражается через атрибутику познаваемого объекта. Материализуя её, поэтическое слово, направленное прежде всего на «познание живых энергий бытия», приобретает и проявляет «некую «кажущуюся семантику»», о чем говорит Ю.Н. Тынянов, уже в составе динамической единицы номинации – производного номинационно-синтаксического семиозиса [3, с. 121 и след.]. Формирование единиц синтаксической номинации как нельзя лучше соответствует сжатию и сукцессивности стихового ряда.

Размышляя об идиостиле Б. Л. Пастернака как особого, уникального поэта, можно продолжить цитировать В. П. Григорьева, который в результате исследования языка поэзии последних веков и

авторского идиостиля поэта пришел к выводу об «уверенно назревавшем концептуальном сдвиге к новой парадигме не только в словесном искусстве, но и в лингвистике и филологии – о полном признании необходимого всей культуре (ее практикам и теориям) четвертого, так сказать, всеохватывающего и всепроникающего, эстетико-эвристического измерения языка» [7, с. 676]. Вместо экспрессемы как единицы поэтического языка, или «упорядоченного множества» ее поэтических контекстов, исследователь вводит эвристему, характеризующую, однако, только «сильные контексты слова» в языке поэзии. Думается, пастернаковский текст относится к подобным «сильным» контекстам.

Индивидуальный стиль Б. Л. Пастернака действительно не укладывается в рамки предлагаемых идиостиоловых схем и моделей. Лучше всех, на наш взгляд, это мотивирует Н. А. Фатеева, которая, характеризуя динамику идиостиля Б. Л. Пастернака, обращает внимание на следующее: «Именно к идиостилю Пастернака более всего подходят слова Р. Барта [1983, 310] о том, что «стиль - некий феномен растительного развития, проявление вонне органических свойств личности». «Органика» дает себя знать прежде всего в том, что в мире поэта происходит нейтрализация почти всех оппозиций как во внешнем, так и во внутреннем пространстве» [22, с.110–111]. По мысли этого авторитетного пастернаковеда, все оппозиции проявления человеческого интеллекта, его культуры получают разрешение в «сказочном времени», когда «хроникально-историческое развитие уравнивается хроникально-циклическими механизмами» [там же]. Напомним, что, согласно Ю.М. Лотману, к этим оппозициям относятся уровни сознания: детское – взрослое, мифологическое – историческое; мышления: иконическое – словесное; а также действие - повествование; стихи – проза; ритм – аритмия, симметрия – асимметрия и другие. Интересно, что в одной из «других» оппозиций ученый рассматривает корреляцию «художественная проза – поэзия», кладя в основание их разграничения такие отсутствующие в поэзии свойства, как «сегментированность, дискретность, линейность» [14, с. 8; 12]

«Сказочное время» как четвертая координата поэтического пространства - не есть ли это то самое четвертое измерение текста как знака, о котором говорит В. П. Григорьев, рассматривая, по сути дела, экспрессию поэтического текста в «сильных контекстах» - пастернаковский именно такой! - как «эстетико-эвристическое измерение языка»? Видимо, в подобном измерении и проявляется та яркая черта идиостиля Пастернака, которую он сам считает «неслышанной простотой»: «В родстве со всем, что есть, уверясь /И знаясь с будущим в быту./Нельзя не впасть к концу, как в ересь./В неслышанную простоту» [19, с. 302].

Здесь явная перекличка с пушкинским стремлением «приблизить поэтический слог к благородной простоте...» [20, с. 58].

Что же касается состояния ощущения поэтом остановленного мгновения бытия живой красоты и возведенного художником в «постоянный поэтический признак», то мысль Пастернака об этом высказана им, в частности, в 1929 году в книге лирической прозы «Повесть», когда персонаж повести начинающего писателя Сережи, по имени Игрек, рассуждает: «И опять всякий раз ... появляются описанья и уподобленья невиданной магниточувствительности. Это – образы, то есть чудеса в слове, то есть примеры полного и стрелоподобного подчинения земле (выделено нами – Н. Ц.). И значит, это - направленья, по которым пойдет их завтрашняя нравственность, их устремленность к правде. ... и живую красоту он понял как предельное отличие существования от несуществования. В том-то и новизна его, что эту разницу, мыслимую не более мгновенья, он удержал и возвел в постоянный поэтический признак» [19, с. 126].

Рассматривая идиостиль Б. Л. Пастернака как неразрывное единство стиха и прозы (что, по словам, И. П. Смирнова, оправдано тем, что «переходы рубежа между поэзией и прозой были для Пастернака путями, на которых он контролировал и рефлексировал смысл своего творчества» [22, с. 7]), Н. А. Фатеева обращает внимание на представление поэта о таланте как о даре жизни, с ее вечным движением, динамикой всего сущего, получающего именование. «Живая энергия» определяет рост всего сущего, движение к свету и открытие новых граней в привычных именовании предметов и явлений мира. И мериллом эстетической и нравственной энергетике поэтического текста, воплощенной в именовании вещей и явлений, которые становятся фрагментами авторской картины мира, может считаться только душа поэта как «объект интеллектуальной интуиции» (Гуссерль). Гармоническая организация стихового ряда, основанная на определенном ритмомелодическом интонационном рисунке, способствует тому, что в именовании энергия сущности вещи «достигает своего полного определения. <> ...имя и есть расцветшее и созревшее сущее <> Имя – как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще – есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг..всей жизни...» [12, с. 152–153]. Пастернаковский текст подтверждает эти слова. Поэт опирается на процесс выражения именованья не только лексической, но и синтаксической формой, – последняя вербально закрепляет внутреннюю форму номинации, открывающуюся поэту в атрибутике синергически познаваемого объекта. Мы отчетливо видим, как стиховой ряд способствует за счет сукцессивного развертывания пространства синтаксических номинаций в тексте употреблению поэтических именованья как «живых» энергем.

Интуитивно ощущаемый художником способ поэтического самовыражения – «принцип самой формы... самоидентификационное различие... <>... оно применимо к раздельно возникшему целому, в котором все подчиненные моменты не тонут и не исчезают, но остаются самими собой (выделено нами – Н. Ц.)» [13, с. 634]. Не только слово, но и его расчлененные аналоги – описательные наименования являются знаками вербализации имени, атрибутивными «ключами» к познанию его сущности и сущности энергии бытия обозначенного именем (ср.: иной). У Пастернака именованные органически синтезируют реальное и образно-поэтическое бытие.

«Примеры полного и стрелоподобного подчинения» принципу земной тяги в остановленных поэтическим взором мгновениях бытия мы находим в производных авторского семиозиса как результате «максимального напряжения осмысленного бытия», цепочка которых в пространстве всего текста переносит нас в то «эстетико-эвристического измерение языка» (В. П. Григорьев), когда авторский метатекст уступает место надтексту – духовной ипостаси поэтического творчества, которая образует высший слой стихотвор-

ного пространства, идентифицирующего каждого автора как языковую личность и интегрирующего нашу духовную энергию.

Вопрос о специфике поэтического идиостиля Б. Л. Пастернака является, пожалуй, одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов пастернаковедения в целом, представляющего сегодня огромный пласт как собственно научных – литературоведческих, лингвистических, философских исследований, так и работ научно-популярного, публицистического плана. Более того, многие труды написаны на стыке филологических и гуманитарных направлений, что вполне понятно, – настолько сложна, многогранна и грандиозна языковая личность одного из лучших художников русского слова XX века.

Дальнейшее рассмотрение специфики поэтического идиостиля Б. Л. Пастернака требует учета уникальности языковой личности этого художника русского слова. В тех случаях, когда речь идет о творческой индивидуальности такого неординарного поэта, как Б. Л. Пастернак, – многие универсальные модели и схемы «речетекстовых характеристик» требуют если не корректировки, то непременно корректной интерпретации, поскольку их объектом становится живая ткань текста великого Мастера.

Литература

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / сост. Ю. С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
2. Буров А. А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. 361 с.
3. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / под ред. проф. К.Э. Штайн. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. 400 с.
4. Буров А. А. Булат Окуджава: штрихи к лингвистическому портрету. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 159 с.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
6. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля В. Хлебникова. М.: Наука, 1983. 225 с.
7. Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы: 1958–2000-е годы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 813 с.
8. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / Предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
9. Казарин Ю. В. Поэтический текст как система. Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 260 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987. 261 с.
11. Котурова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 95–99.
12. Лосев А. Ф. (а) Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. С. 29–204.
13. Лосев А. Ф. (б) Самое само // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. С. 423–634.
14. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во ТГУ. 1978. С. 3–17.
15. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 559 с.
16. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2011. 44 с.
17. Муратова Е. Ю. Синергетический анализ поэтического текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 53–57.
18. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / вступ. статья Д. С. Лихачева. М.: ХЛ, 1985. 623 с.
19. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 2. Проза. Стихотворения / вступ. статья Д. С. Лихачева. М.: ХЛ, 1985. 559 с.
20. Пушкин А. С. О поэтическом слого // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т.7: Критика и публицистика. Л.: Наука, 1978. С. 58.
21. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 2 (18). М.: АРГО-РИСК, 1993. С. 86–90.
22. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. Предисловие И.П. Смирнова. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
23. Фоменко Е. Г. Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 95 – 102.
24. Хэллiday М. А. К. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. С. 116–147.

25. Цицерон М. Т. Философские трактаты / пер. М. Рижского. М.: Наука, 1985. 382 с.
26. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.
27. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

References

1. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma (Zero writing degree) // Semiotika / compiler YU.S. Stepanov. Moscow: Raduga, 1983. P. 306–349. (In Russian).
2. Burov A. A. Kogniolingvisticheskie variacii na temu russkoj yazykovoj kartiny mira (Cogniolinguistic variations on the Russian language picture of the world). Monografiya. Pyatigorsk: PSU publ., 2003. 361 p. (In Russian).
3. Burov A. A. Substantivnaya sintaksicheskaya nominaciya v russkom yazyke (Substantive syntactic nomination in Russian) / ed by K. E. SHtajn. Stavropol'-Pyatigorsk: SSU publ., 2012. 400 p. (In Russian).
4. Burov A. A. Bulat Okudzhava: shtrihi k lingvisticheskomu portretu (Bulat Okudzhava: strokes for a linguistic portrait). Monografiya. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 159 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi (On the theory of artistic speech). Moscow: Vysshaya shkola, 1971. 239 p. (In Russian).
6. Grigor'ev V. P. Grammatika idiostilya V. Hlebnikova (V. Khlebnikov's idiosyle grammar). Moscow: Nauka, 1983. 225 p. (In Russian).
7. Grigor'ev V. P. Velimir Hlebnikov v chetyrehmernom prostranstve yazyka: Izbr. raboty: 1958–2000-e gody (Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language). Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2006. 813 p. (In Russian).
8. Zholkovskij A.K., Shcheglov Yu.K. Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst (Works on the poetics of expressiveness: Invariants - Topic - Techniques - Text). / foreword by M.L. Gasparov. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russian).
9. Kazarin Yu. V. Poeticheskij tekst kak Sistema (Poetic text as a System). Ekaterinburg: USU publ., 1999. 260 p. (In Russian).
10. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and linguistic personality) / ed by D.N. SHmelev. Moscow: Nauka, 1987. 261 p. (In Russian).
11. Kotyurova M. P. Idiostil' (Idiosyle) // Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow: Flinta; Nauka, 2003. P. 95–99. (In Russian).
12. Losev A.F.(a) Filosofiya imeni (Philosophy of the name) // Losev A.F. Samoe samo: Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press. 1999. P. 29–204. (In Russian).
13. Losev A. F. (b) Samoe samo // Losev A. F. Samoe samo: Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press. 1999. P. 423–634. (In Russian).
14. Lotman Yu.M. Fenomen kul'tury (The phenomenon of culture) // Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam. Tartu: TSU publ., 1978. P. 3–17. (In Russian).
15. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum (Fiction text: the foundations of linguistic theory. Analytical minimum). Moscow: Os'-89, 2005. 559 p. (In Russian).
16. Maslova Zh. N. Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentaciya vu yazyke (Poetic picture of the world and its representation in language): thesis. Tambov, 2011.44 p. (In Russian).
17. Muratova E. Yu. Sinergeticheskij analiz poeticheskogo teksta (Synergistic analysis of poetic text) // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2012. No. 2. P. 53–57. (In Russian).
18. Pasternak B. L. Izbrannoe (Selected). In 2 Vols. Vol. 1. Stihotvoreniya i poemy / foreword by D. S. Lihachev. Moscow: HL, 1985. 623 p. (In Russian).
19. Pasternak B.L. Izbrannoe (Selected). In 2 Vols. Vol. II. Proza. Stihotvaoreniya / foreword by D.S. Lihacheva. Moscow: HL, 1985. 559 p. (In Russian).
20. Pushkin A. S. O poeticheskom sloge (About the poetic syllable) // Pushkin A.S. Sobr. soch. In 10 Vol. Vol.7: Kritika i publicistika. Leningrad: Nauka, 1978. P. 58. (In Russian).
21. Tynyanov Yu. N. Problema stihotvornogo yazyka (The problem of poetic language) // Vavilon: Vestnik molodoj literatury. Issue. 2 (18). Moscow: ARGO-RISK, 1993. P. 86–90. (In Russian).
22. Fateeva N.A. Poet i proza: Kniga o Pasternake (Poet and Prose: The Book of Pasternak) / forward by I.P. Smirnova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 400 p. (In Russian).
23. Fomenko E. G. Problemy lingvotipologicheskogo opisaniya idiostilya pisatelya (Problems of linguistic and logical description of the writer's idiosyle) // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2006. No. 2. P. 95–102. (In Russian).
24. Hellidej M. A. K. Lingvisticheskaya funkciya i literaturnyj stil' (Problems of linguistic and logical description of the writer's idiosyle) // Novoe v zarubezhnoj lingvitike. 1980. Issue. 9. P. 116–147. (In Russian).
25. Ciceron M. T. Filosofskie traktaty (Philosophical treatises) / translated by M. Rizhskii. Moscow: Nauka, 1985. 382 p. (In Russian).
26. Chumak-Zhun' I.I. Poeticheskij tekst v russkom liricheskom diskurse konca XVIII – nachala XXI vekov (Poetic text in Russian lyric discourse of the late 18th - early 21st centuries). Moscow: Direkt-Media, 2014. 302 p. (In Russian).
27. Jakobson R. Lingvistika i poetika (Linguistics and poetics) // Strukturalizm «za» i «protiv». Moscow: Progress, 1975. P. 193–230. (In Russian).

Сведения об авторе:

Царева Нина Александровна – аспирант кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования института переводоведения, русистики и многоязычия Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / tsnina@list.ru

Information about the author

Tsareva Nina – postgraduate student, Chair of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education, Institute of Translation Studies, Russian Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / tsnina@list.ru